

ИГОРЬ ЛИС

Неополитика

**Изменения в современной
политической теории и практике**

Big data

Социальные сети
и 24-часовые медиа

Новая конкуренция

Выборы и
представительная
демократия

Неополитический
маркетинг

Игорь Лис
Неополитика. Изменения в
современной политической
теории и практике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42349382

ISBN 9785449667243

Аннотация

В этом кратком обзоре современных политических инструментов французский специалист по международным отношениям Игорь Лис рассказывает о том, как большие данные, социальные сети и другие беспрецедентные феномены изменяют современную политику.

Содержание

Введение	5
ИЗРАНЕННАЯ ПОЛИТИКА	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Неополитика Изменения в современной политической теории и практике

Игорь Лис

Переводчик Роман Медведев

© Игорь Лис, 2019

© Роман Медведев, перевод, 2019

ISBN 978-5-4496-6724-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Суббота, 15 декабря 2018 года. Я перехожу проспект Великой Армии в Париже. Справа от меня стена полицейских. Слева – сотни человек, рассредоточенных на грязном асфальте и объединенных одной деталью гардероба: все они носят желтый жилет. Символ социального протеста, беспрецедентного за многие годы во Франции, эти люди захватили первые полосы газет и создают политическую и гражданскую повестку дня. Отголоски их действий доходят даже до России и Соединенных Штатов. Владимир Путин и Дональд Трамп комментируют их. Ультраправая немецкая партия, AfD, пытается присвоить себе их символ и устраивает «поддельные» сборища желтых жилетов в Берлине. Мир с удивлением разглядывает попавшие на все телеэкраны мира изображения Триумфальной арки, покрытой граффити. Если послушать журналистов, политиков и экспертов, то все знали, что эта волна протеста вот-вот возникнет, но, тем не менее, все оставались глухи к этому низкому гулу недовольства глубинной Франции.

Франция конца 2018 года интересуется действительно только желтыми жилетами, но в мире и без них хватает горячих, даже горящих мест и событий (и это не всегда эвфемизм). В Вашингтоне Дональд Трамп готовит один из самых странных (и самый продолжительный) «шатдаунов» в исто-

рии страны. Британия находится примерно в месяце от провала голосования по соглашению о Brexit, которое повергнет страну в политический хаос, а Бразилия ждет, когда президент Болсонаро вступит в должность, еще не зная, что он начнет свое президентство с самых нелепых решений (и с позирирования перед камерой с пистолетом). Йемен остается самой страшной гуманитарной катастрофой на планете, наследный принц Саудовской Аравии не отвечает за преступление, которое он, по мнению ЦРУ, совершил, а в заснеженной Москве Владимир Путин радуется тому, о чем мир узнает несколькими неделями позже: выводу американских войск из Сирии и Афганистана.

Все эти вещи многие обозреватели называют неожиданными, иногда даже невероятными. Надежность «больших данных» в политике казалась непогрешимой, технократические модели управления были, по мнению значительного числа специалистов, единственным ответом на вызовы времени. От берлинской канцелярии Меркель до темных кабинетов на Старой площади в Москве, где располагается всемогущая администрация Путина, от штаб-квартиры Коммунистической партии Китая до залов заседаний в Кении, почти все соглашались в одном: политика становится все более предсказуемой и контролируемой.

А потом наступило столкновение с реальностью. Как сказал главный экономист Natixis Патрик Артюс на конференции в Париже в январе 2019 года, «мы, экономисты, очень

рациональные существа, поэтому мы так часто ошибаемся». Мир еще не закончил удивлять нас.

Молодой французский президент Макрон открывает для себя реальность управления страной. Зловещая компания Cambridge Analytica вынуждена бороться с давлением общественности, которая требует прозрачности и уважения. Джим Мэттис, невозмутимый военный, известный своей фразой «будь вежлив, будь профессионалом, но имей план убийства всех, кто тебе встречается», доходит до ручки и покидает администрацию Трампа, который, в свою очередь, не уволит его по-настоящему, пока не прочитает реакцию прессы на генеральское заявление об отставке. Все это и многие другие примеры ставят вопрос: что же в действительности происходит с политикой?

Пока вы читаете эти строки, появляются новые способы управления, коммуникации, новые иерархии и новые силы, в то время как старые – те самые, которые мы считаем современными – мутируют, их формы и структуры непрерывно меняются.

Важные изменения в наших обществах вызваны, с одной стороны, социальными и геополитическими явлениями, с которыми нынешние поколения не могут совладать в своей совокупности (такими как массовая миграция, изменение климата, эволюция теории и практики войны и т.д.) и,

с другой стороны, благодаря совершенно новому весу, новому уровню участия общества в политических процессах, которое стало возможным благодаря значительно облегченному обмену информацией. Эта новая система, которая незаметно заменяет, элемент за элементом, то, что мы по привычке считаем «просто» политикой, меняет механизмы принятия важных решений и, самое главное, меняет тех, кто их принимает.

Мы по-прежнему живем со старыми добрыми неизменными структурами: парламентами, президентами, министрами, департаментами и корпорациями, и продолжаем считать, что решения принимают именно они, как это было в течение десятков и сотен лет (хотя с точки зрения политической историографии и это достаточно сомнительно). Члены парламента избираются всеобщим голосованием, президенты и премьер-министры принимают решения, которые реализуются правительствами. А в странах, которые мы называем менее демократическими, авторитарные лидеры используют силовые механизмы, чтобы контролировать весь политический спектр и преследовать оппозицию...

Но так ли обстоят дела в реальности? Мы знаем, что частные компании генерируют больше денег, чем многие страны в индустриальном мире, что множество сил влияют на выборный процесс, что голоса часто уже принадлежат не самим избирателям, а сложным схемам крупных агентств, брокеров влияния, что люди вне политической сферы часто име-

ют больше власти, чем те, кто находится на вершине избирательной пирамиды – список можно продолжить.

Так о чем именно мы говорим, когда произносим слово «политика»?

Начиная с убейдского периода в Месопотамии и заканчивая Большими национальными дебатами в начале 2019 года во Франции, «политическая вещь», *res politica*, лежит в основе всего по одной простой причине: мы, люди, являемся аристотелевскими политическими животными. Даже если мы думаем, что мы «извлечены» из полиса как механизма организации общества, даже если мы живем в лесу (или, скажем, в аполитичной зоне вроде ZAD – французских «защитных зон» – или датской Кристиании), отрезанном от каких-либо социальных связей, мы находимся внутри политики хотя бы просто примером, который мы подаем, имиджем, который мы дарим различным спекулянтам одним своим существованием, на котором другие люди строят свой политический дискурс.

Слово «политика» регулярно возвращается, часто в довольно негативном контексте, чтобы отравлять дискуссии, смешиваясь с чем-то базарным в сознании граждан. На кухнях, в барах, в университетах и на заводах по всему миру политика отвращает и одновременно очаровывает. Она – козел отпущения, источник всех зол и ответ на все вопросы, и она же – враг номер один для миллионов людей. Которые

часто забывают, что один из величайших «борцов с системой», Одоакр – мятежный римский генерал варвар по происхождению, свергший последнего императора Ромула Августа, – недолго колебался, прежде чем принять титул патриция того самого Рима, чью парадигму управления он де-факто уничтожил.

Политическая наука как дисциплина, которая стремится объяснить и предложить улучшения, скажем так, интеллектуальной стороны управления обществом, должна решать целый ряд новых задач, которые, по большей части, состоят из элементов, известных на протяжении веков. Но политическая практика, то есть набор инструментов, используемых для приобретения и реализации власти, не имеет ничего общего с той реальностью, с которой сталкивались первые читатели «Государя» Макиавелли. И эта практика, которая каждый день заново изобретает себя перед лицом новых технологических, социальных и экономических феноменов, настолько сильно отдаляет политическую науку от политики как таковой, что я предпочитаю называть ее словом «неополитика». Там, где политология будет продолжать апеллировать к Гоббсу и Руссо, Локку и Платону, неополитика будет изучать big data, НЛП и динамику социальных сетей, персональный брендинг и алгоритмы. Другими словами, она будет изучать практику власти и управления обществами в связанном мире, «сжатом» технологиями – и, более чем когда-ли-

бо, хаотичным.

После 10 лет работы в области частной дипломатии и управления политическими и культурными проектами между самыми разными странами, я убежден, что именно путем создания нового инструментария на основе постоянно меняющегося социально-технологического контекста мы найдем правильные решения для лучшего политического управления. Необходимость в этом новом инструментарии существует как среди участников политической деятельности, так и среди граждан, которые стремятся – и это объективная реальность, которая подтверждается впечатляющим числом фактов – все больше и больше понимать политику и участвовать в ней. С одной стороны, необходимо научиться лучше определять и лучше передавать свой месседж, а с другой – лучше расшифровывать сигналы и лучше строить свою гражданскую активность.

Эта небольшая книга – первый шаг к размышлению об этих инструментах, необходимых как для непосредственных участников, так и для простых зрителей политической жизни, независимо от страны, культуры и иных факторов. Для участников, потому что важно знать текущий контекст, понимать, как работают современные механизмы влияния, чтобы не стать очередной наивной жертвой коммуникационных агентств и их готовых решений, часто не слишком интересных из-за их излишней «техничности». Для аудито-

рии политического театра, поскольку расшифровка сообщений и классификация политических программ (и их носителей) позволяет переместить часто эмоциональные и иррациональные дебаты в область функционального анализа, а следовательно, конкретных предложений и серьезных комментариев.

Прежде чем перейти к этим инструментам, мы сначала поговорим – не перегружая читателя бесполезными глубинами, потому что он, без сомнения, сможет провести собственное исследование в соответствии с предлагаемыми ссылками – о вышеупомянутых изменениях, которые затрагивают привычные нам явления. Важно понимать, что, хотя практически каждое поколение в течение тысячелетий считает, что наблюдает кардинальные изменения в управлении, события, переживаемые нами сегодня, уникальны уже из-за беспрецедентного характера технологических изменений, сопровождающих эволюцию нашего общества.

Далее я представлю ключевые элементы этих изменений, включая использование больших объемов данных (big data) в политических целях и быстроту реакции различных типов медиа, которая навязывает политическим действиям совершенно новую динамику и радикально меняет их форму. Конечно, мы поговорим и о конкретных решениях, которые могут стать ответами на эти новые вызовы, так что читатели смогут обогатить и свои знания о последних тенденциях в данной сфере.

Наконец, в заключение я вернусь к элементам, на протяжении десятилетий лежащим в основе политического маркетинга и политтехнологий: личный бренд, программа, политическая коммуникация, семантика кампаний – и непосредственное осуществление власти. Все эти явления, некоторые из которых определены древними («Государь») или очень древними («Искусство войны» Сунь-Цзы) трудами, не являются застывшими формами. Я бы даже сказал, что они – первые, кто подвержен изменениям под ветрами истории, которые свирепствуют вокруг нас.

ИЗРАНЕННАЯ ПОЛИТИКА

В 1969 году американец по имени Карл Гесс – политический философ, много работавший на Республиканскую партию, автор ее стратегии в 1960 и 1964 годах, один из пионеров зарождавшегося неолиберального движения, а также энтузиаст мотогонок – опубликовал статью в журнале Playboy. Непосредственная близость обнаженных женских тел не умаляет интеллектуального качества этого сочинения, посвященного защите ультралиберального «общества невмешательства». Его статья называется «Смерть политики»¹. Смерть политики, ни много ни мало. Вот что он говорит в своем заключении:

«Власть и авторитет как замена производительности и рациональному мышлению – фантомы, которые преследуют мир сегодня. Это призраки зачарованного и суеверного прошлого. И политика – их подручный демон. Политика всегда была институционализированным отрицанием способности человека к выживанию через исключительное использование всех своих способностей для собственного благополучия. И она всегда существовала благодаря ресурсам, которые могла отбирать у творческих и производительных людей

¹ Playboy, март 1969

и которые она во имя множества красивых целей и морализаторства не дает им использовать себе во благо.

В конце концов, это должно означать, что политика отрицает рациональную природу человека. Более того, это означает, что политика – это просто очередной атавизм магии в нашей культуре – вера в то, что, так или иначе, вещи могут быть созданы из ничего; что вещи могут быть переданы кому-то без предварительного изъятия у других; что все инструменты выживания человека принадлежат ему случайно или по божественному праву, а не благодаря простым и очевидным труду и изобретательности.»

В этом тексте, где американский подход столь очевиден, и который мог бы восхитить и Джона Стюарта Милля, и Айн Рэнд (но, особенно, великого теоретика либертарианства Роберта Нозика – и Вольтера), Гесс объясняет, размахивая государством как страшнейшим пугалом, что политика мертва. В контексте беспорядков гораздо более жестоких, чем современные нам «желтые жилеты» (только события в Детройте в 1967 году привели к разрушению более 400 зданий, примерно 7200 арестам, 467 раненым и 43 погибшим – и всего за 5 дней), ответ Гесса однозначен: ничто уже не работает. Яростный борец против государства всеобщего благосостояния, а то и государства в целом («каждый [консерваторы и либералы] для своих целей рассматривают государство как

инструмент, который не защищает свободу человека, но скорее объясняет, как использовать эту свободу, которую они сами и ограничивают»), он приходит к следующему выводу: политика, являясь продолжением власти, основанной на репрессиях, показала свои пределы, допустив появление всего этого современного ему общественного насилия. И, показав свои пределы, она сама стала жертвой этого насилия. По словам Гесса, политика умерла в 1960-х годах, поскольку она не просто не смогла защитить людей от насилия со стороны государства, но и породила его. И поэтому, по его мнению, пора придумать что-то другое.

Гесс, этот представитель так называемого классического либерализма, говорил о политике в том смысле, в котором термин используют завсегдатаи бистро, то есть с явной отрицательной коннотацией: для него это «подручный демон власти и авторитета» (которые, в свою очередь, ничто иное, как «призраки прошлого»), набор бесчестных практик, направленных на ограничение свободы личности. Но как насчет политики в академическом смысле? Гесс не говорит об этом (потому что для него, как и для многих либералов, интеллектуализация политики является способом придания ей легитимности, которой она не заслуживает). Однако несколькими годами ранее, в 1961 году, в скромном американском издании *Western Political Quarterly*, опубликованном Государственным университетом штата Юта, Джеймс Холтон написал в статье под говорящим заголовком «Политическая

философия мертва?»²: «Политическая философия является сегодня не более, чем собственной тенью». Почему? Потому как, объясняет Холтон, «упадок политической философии является частью упадка рациональности и идей как таковых». Снижение рациональности – в 2019 году мы уже понимаем, о чем идет речь, принимая во внимание все эти обскурантистские споры, заполняющие пространство диалога в социальных сетях. От исламистских групп до американских христианских сект, от борцов с вакцинами до любителей теорий заговора, мы живем в мире, о котором Пьер Бурдьё еще в 1999 году справедливо сказал: «мракобесие вернулось, но на этот раз мы имеем дело с людьми, которые делают вид, что они пришли со стороны разума и рационализма».

В 1960-х годах, в контексте системного кризиса, общественная и интеллектуальная динамика уже предвещала социальные землетрясения 1970-х. Технологическая эволюция в сочетании с ослаблением последствий послевоенного посттравматического шока, беспрецедентный экономический рост и невиданная динамика холодной войны, генерирующие значительный социальный и научный прогресс, поставили серьезный вопрос того, что Дэвид Де Хаас называет³ «человеческой идентичностью». Американские восстания, убийства Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, протесты во Франции в мае 1968 года, иранская революция

² *The Western Political Quarterly*, 1961, University of Utah, C. 75

³ *The Crises of Human Identity in 1960*, в *The Appolon Digital Journal*, апрель 2017

1963 года, 32 объявления независимости в странах Африки, в том числе 17 за один только 1960 год, полет Гагарина в космос, «настоящее» рождение феминизма и конец политической оттепели в СССР – все это настолько дегармонизировало реальность народов, что совсем неудивительно, что конец десятилетия казался концом эпохи. По делу высмеянный Жаком Дерридой и логично исправленный Сэмюэлем Хантингтоном, Фукуяма объявил, двадцатью годами позже, конец истории. Корни этого драматизма, возможно, надо искать именно в 1960-х.

Сегодня мы в некоторой степени переживаем глубинные динамики тех лет. Конечно, нельзя полноценно сравнивать эти две эпохи, пусть соблазн и велик, но мы все равно видим большее сходство, которое имеет решающее значение для понимания этой книги: научно-технический прогресс создает новые *modus operandi*, особенно в медийной сфере, не имеющие прецедентов в истории человечества. Если кризис восприятия политики повторяется (кризис «Тридцати тиранов», случившийся в Афинах в 404 году, вполне смог бы случиться и в 2404 году), новые способы доступа к знаниям и связи с другими людьми делают предвидение его исхода все более трудным.

Одним из ключевых элементов текущего периода является тот факт, что подавляющее большинство политических акторов оказываются – или, скорее, уже оказались – в положении «индуктивистской индейки» Бертрана Рассела. На-

помним, как она была блестяще представлена Аланом Чалмерсом⁴:

«С самого первого утра, когда она поселилась на ферме, индейка заметила, что ее кормят в 9 часов утра. Однако, как хороший индуктивист, она не спешила что-либо делать. Она ждала, пока не заметит много раз, что ее кормили в 9 часов утра, и собирала эти наблюдения при самых разных обстоятельствах: по средам и по четвергам, в жаркие и холодные дни, в дождливые дни и в сухие. Каждый день она добавляла еще одно замечание в свой список. Ее индуктивистское сознание было наконец удовлетворено, и она обратилась к индуктивному методу, чтобы сделать вывод: „Меня всегда кормят в 9 часов утра“. Увы, этот вывод оказался совершенно ложным, когда в канун Рождества вместо того, чтобы кормить ее, ей отрезали голову.»

Не будучи, или, по крайней мере, не всегда будучи – вопреки распространенному мнению – глупцами, политики, к сожалению, тем не менее слишком часто попадают в ловушку индуктивистской индейки. И это несмотря на историю, которая учит, что любовь к статусу кво систематически проигрывает битву социальным «черным лебедям», этим непредвиденным изменениям, которые радикально смешивают все карты. От Месопотамии до Римской империи, от Византии до индейских государств доколумбовой Америки, не за-

⁴ Alan Chalmers, *Qu'est-ce que la science?* Le livre de poche, 1990, С. 40

бывая про Великую французскую и Октябрьскую революции, именно в момент, когда все кажется под контролем, ситуация не выдерживает. Совсем недавно мы все получили об этом прекрасное напоминание, когда в 2011 Мохаммед Буазизи – мелкий торговец овощами – поджег себя в деревне Бен-Арус в Тунисе. Этот непредвиденный акт с непредсказуемыми последствиями, так хорошо иллюстрирующий лоренцовский «эффект бабочки», спровоцировал явление, которое мы знаем как Арабскую весну. Я сам был одним из свидетелей этого феномена: когда я посещал Каир в 2010, ровно за год до того, как Египет поглотил огонь региональных революций, впечатление бессменности президента Мубарака было абсолютным. От воспевавших его газет, от названных в его честь военных академий и от довольного им населения сегодня мало что осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.